

УДК 94(571.1)

ББК 63.3 (253.3) 613-282.2

Общественно-политические настроения крестьянства Западной Сибири в восстании 1921 г.

Е.Н. Бурдина

Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева
(Петропавловск, Казахстан)

Socio-Political Sentiments of the Peasantry of Western Siberia in the 1921 Uprising

E.N. Burdina

M. Kozybaev North Kazakhstan State University (Petrodavlovsk, Kazakhstan).

Рассматриваются эмоциональная обстановка, умонастроения и линии поведения повстанцев, работников советских, партийных органов и органов ВЧК — сторон острого социального конфликта (власти и крестьянства) в условиях революционного времени и Гражданской войны. На основе источников дается оценка восстания и действий повстанцев представителями власти, участниками подавления мятежа. Показано, как повстанцы оценивали политику власти в деревне, действия продработников и членов РКП(б). Раскрывается отношение крестьян к огосударствлению сельскохозяйственного производства, новым формам организации хозяйства (коммунам и колхозам). Показана специфика крестьянского политического сознания и причины контрреволюционного и революционного террора в январе-феврале 1921 г. в Западной Сибири. Показано значение для крестьян Советов как органов выборной местной власти. Анализируется эмоциональное состояние крестьян и казаков, не принявших социальную революцию 1917 г. и радикальные перемены в обществе, вызванные политикой военного коммунизма. Обращается внимание на попытки повстанцев восстановить дореволюционные политические, экономические и правовые институты и нормы.

Ключевые слова: настроения, эмоции, государственная развёрстка, власть, крестьяне, казаки, конфликт, социальная революция, восстание, повстанцы.

DOI 10.14258/izvasu(2017)5-03

Восстание в Западной Сибири 1921 г., больше известное в исторической науке как Западносибирский мятеж, было одним из многих восстаний крестьян и казаков Советской России в годы политики военного коммунизма. Настроения крестьянской массы, позиция крестьян по отношению к новой власти, поддержка

This article examines the emotional situation, mentality and behavior of insurgents, workers of Soviet, party and check bodies — the parties of the acute social conflict (power and peasantry) in the conditions of revolutionary time and civil war. On the basis of sources, an assessment is given of the uprising and the actions of insurgents by the representatives of the authorities, participants in the suppression of the insurrection. The author shows how insurgents viewed the policy of power in the village, the actions of the Prodarrians and members of the RKP(b). The consideration is given to the attitude of the peasants to the nationalization of agricultural production, new forms of organizing the economy (communes and collective farms). The specifics of peasant political consciousness and the causes of counterrevolutionary and revolutionary terror in January-February 1921 in Western Siberia are revealed. The importance of the Soviets as elected local authorities for peasants is shown. The article gives an analysis of the emotional state of peasants and Cossacks who did not accept the social revolution of 1917 and the radical changes in society caused by the policy of war communism. Attention is drawn to the attempts of the insurgents to restore pre-revolutionary political, economic and legal institutions and norms.

Key words: moods, emotions, state development, power, peasants, Cossacks, conflict, social revolution, insurrection, insurgents.

или непринятие политики большевиков в значительной степени определяли социально-политическую стабильность в различных регионах утверждающегося и еще не признанного мировым сообществом государства, находящегося в состоянии Гражданской войны и глубоком экономическом кризисе.

Крестьянство в дореволюционной России по данным переписи 1897 г. составляло 77,12 % населения (около 96,9 млн чел.) [1]. Судьба социальной революции 1917 г. зависела не только от военных побед и решения продовольственного вопроса. В стратегическом плане будущее диктатуры пролетариата и строительства социалистического государства, права, экономики и культуры определялось степенью доверия крестьянства — основной массы населения Советской России — к новой власти. В данном направлении правительство РКП(б) начало действовать с переходом к новой экономической политике. В условиях курса военного коммунизма, узости социальной базы революционных преобразований большевики столкнулись с массовыми протестами, выступлениями и восстаниями крестьян Центральной России, Украины, Поволжья, Урала и Сибири. Различные формы проявления недовольства политикой советского правительства отражали социальные и политические настроения, эмоции и взгляды российского крестьянства, его отношение к огосударствлению сельскохозяйственного производства, созданию коммун, большевизации Советов, антирелигиозной пропаганде и установлению государственного контроля над деревней в целом.

Восстание в Западной Сибири в январе-феврале 1921 г. как одно из крупных вооруженных антибольшевистских выступлений в стране в достаточно полной мере показало глубину конфликтных отношений власти и крестьянства, оппозиционность крестьянских масс к новым социальным и экономическим институтам (колхозам, коммуна), мерам (государственная разверстка), способам осуществления экономической политики (запугивание, аресты, двойное обложение по разверстке, круговая порука, захват заложников, конфискации и др.) и к тем, кто ее проводил (коммунистам и продовольственным работникам).

С 1990-х гг. тематика крестьянских восстаний, проблема отношений между властью и крестьянством представляют научный интерес и остаются объектом научных изысканий. Опубликованы сборники документов [2, т. 1–2; 3, 4], монографии [5–7], статьи [8–10], результаты краеведческих исследований [11–13], вводятся новые источники и открываются новые страницы истории первых лет советской власти.

Одной из содержательных сторон Западно-сибирского восстания выступали настроения, чувства, взгляды и действия повстанцев. В данной статье предпринята попытка представить эмоциональную обстановку и умонастроения восставших, определившие их действия и поступки. Обращение к источникам позволяет выявить устойчивые эмоциональные состояния и линию поведения повстанцев, работников советских, партийных органов и органов ВЧК — сторон острого социального конфликта в условиях революционного времени и Гражданской войны. К таким источникам относятся воспоминания участ-

ников подавления мятежа, воззвания, приказы и частушки повстанцев, донесения военкомов, советских руководителей, телеграммы руководства с мест, материалы газет и др.

Восстание крестьян и казаков в Западной Сибири 1921 г. рассматривалось с точки зрения местной власти как нарушение революционного порядка [4, т. 2, с. 120], «повстанческое движение» [4, т. 2, с. 123]. В советской прессе восстание в Ишимском уезде характеризовалось как вооруженное восстание против рабоче-крестьянской советской власти [4, т. 2, с. 4]. Соответственно, восстание оценивалось как контрреволюционное. Оценка Западносибирского мятежа, проходившая в сводках, докладах, отчетах и протоколах партийных и советских руководителей получила практически зеркальное отражение в публикациях 1920-х гг. в журналах «Красная Армия», «Красная Армия Сибири», «Былое Сибири», «Сибирские огни», «На аграрном фронте», «Пролетарская революция» в 1921–1926 гг. Она стала определяющей в исторической науке на годы: крестьянские восстания, Западносибирский мятеж рассматривались как новая форма классовой борьбы, гражданской войны между пролетариатом и крестьянством. Социальная природа крестьянских протестов виделась не иначе как «кулацкая». Помимо сочетаний «крестьянские восстания» и «кулацкое движение», использовался термин «бандитизм» [14–21].

Имеющиеся в нашем распоряжении источники указывают на социальный состав участников восстания: крестьяне и казаки, а также представители сельской и городской интеллигенция, офицеры царской армии, духовенство.

В воспоминаниях участника подавления мятежа замвоенкома ВОХР Кутанова говорится, что среди повстанцев «было и кулачество ... и остальной слой крестьянства» Ишимско-Тобольского уездов, которое «выступило против местной власти» [22]. Один из очевидцев событий писал: «... в Сибири происходит стихийное восстание крестьян и казаков, во главе стоят последние ... все восстали — бедный и богатый...» [23]. Участие различных имущественных слоев сибирской деревни в восстании в январе-феврале 1921 г. подтверждает не только широкое недовольство крестьян политикой военного коммунизма, но и неосуществимость в целом советской властью идеи разжигания социального противостояния в крестьянской среде. В донесении заместителя завполитбюро Ишимского уезда И.В. Недорезова в полномочное представительство ВЧК в феврале 1921 г. сообщалось, что социальной конфронтации в сибирской деревне не произошло [4, т. 2, с. 134].

Об участии офицеров и их роли в восстании есть сведения в разведывательной сводке штаба Приуральского военного округа за 10 февраля 1921 г.: «... в районах Ишимского, Ялуторовского, Тобольского и Тюменского уездов вспыхнуло восстание, в котором в качестве ру-

ководителей участвуют офицеры, начиная с поручика и кончая полковником...» [4, т. 2, с. 173].

Влились в среду повстанцев дезертиры Красной армии, члены отдельных сельсоветов, волисполкомов и даже коммунисты, состоявшие преимущественно из крестьян-сибиряков. В телеграмме начальника милиции и завполитбюро Ялуторовского уезда Е.И. Ошара в Тюменский губчека от 5 февраля 1921 г. (по непроверенным данным) сообщалось о руководстве восстанием в Ингалинской и Слободо-Бешкильской волостях красноармейцами и красноармейками-солдатками [4, т. 2, с. 115]. Из разговора по прямому проводу руководства Камышловского уезда и представителей Екатеринбургского губисполкома советов от 9 февраля 1921 г. стало известно: «В Шадринском уезде... вспыхнуло восстание... По сообщению местных коммунистов, бежавших оттуда... к ним непрерывно примыкают другие, частью — коммунисты Яутлинской волости...» [4, т. 2, с. 129], другой источник сообщает, что установлены «...случаи присоединения к повстанцам сельсоветов и волисполкомов» [4, т. 2, с. 134].

Настроения повстанцев губерний и уездов Западной Сибири определялись единством мнений

и оценок государственной продовольственной политики советской власти в 1920 — начале 1921 г. и непримиримостью к существующему положению (семенная разверстка, трудовая повинность, сокращение нормы потребления и оставление без таковой), конфликтными отношениями с местной властью. Суровый и воинственный настрой крестьян и казаков в значительной степени был связан с наличием в рядах повстанцев оружия, лиц, имевших боевой опыт военных действий в Первую мировую войну и в войне против Колчака.

В воспоминаниях современника передается общий эмоциональный фон событий февраля 1921 г.: «А повстанцы были воодушевлены до энтузиазма и самопожертвования, и число их быстро росло. Поэтому ни разгром Чуртанской группы, ни удары по «мушкетерской армии» не прекращали движения. Красные части были вынуждены перейти к активной обороне и засесть в городах, ставших красными островами в море черного террора» [16, с. 90].

Интересным источником, отражавшим умонастроения повстанцев, являются частушки. Вот некоторые из них:

* * *

Завоеем мы свободу
Без оружия в руках,
В комитеты сами сядем,
Жить не будем в дураках.

* * *

Семь уж лет как нищи ходим,
Обносились все в прах,
На войну идем босые,
Все в заплатах и дырах.

* * *

Комитеты все устроит
Народа армия труда.
Кто же правил нами раньше,
Тех не будет никогда.

* * *

Мы идем на коммунистов
Гнет жестокий разогнать,
Изберем себе министров,
Дисциплину будем знать.

* * *

Нам нисколько смерть не страшна,
Коммуну нужно задушить.
Уж тогда господ не будет,
Все спокойно станем жить

Из текста видны цели повстанцев: освобождение от власти коммунистов («Завоеем мы свободу», «Коммуну нужно задушить», «Кто же правил нами раньше, тех не будет никогда»), отмена продовольственной разверстки («Гнет жестокий разогнать», «Все спокойно станем жить»). В частушках просматриваются программные требования восставших: создание народного правительства, народной власти на местах («Изберем себе министров», «В комитеты сами сядем», «Комитеты все устроит народа армия труда»).

Судя по содержанию стихов, коммунистов и продработников воспринимали как «господ», а систему государственных продовольственных мер — как «гнет жестокий». Очевидна ненависть и непримиримость позиции повстанцев к советской власти, которую воплощали в крестьянском сознании члены партии большевиков и продовольственные работники.

В четверостишиях дается оценка политики власти в деревне, последствий экономического кризиса, Гражданской войны в России и продрозверст-

ки для крестьян как «гнет жестокий», «Семь уж лет как нищи ходим», «...босые, Все в заплатах и дырах». Видно эмоциональное состояние крестьян и других участников восстания — это состояние войны без пощады для врага и готовности умереть в этой войне («На войну идем...», «Кто же правил нами раньше, тех не будет никогда», «Нам нисколько смерть не страшна») [22, л. 19]. Характерным видится восприятие советских, партийных и продовольственных работников как врагов трудового народа.

Бескомпромиссная позиция повстанцев, гнев и ненависть в отношении лиц, наделенных Советским государством властными полномочиями, выразилась в арестах и разоружении милиции, продовольственных отрядов, убийствах коммунистов и членов их семей, продовольственных работников.

Источники сообщают о жестоких расправах, чинимых повстанцами над членами РКП(б) и советскими работниками. Очевидцы восстания вспоминали, что «было много побито коммунистов, которые оста-

вались на своих местах», «везде и всюду начались разгромы партячек, расстрелы коммунистов» [25, л. 1]. По сообщениям из прессы: «в Ишиме банды вырезали поголовно всех коммунистов, не исключая детей...» [26, с. 2]. На заседании президиума Ишимского комитета РКП (б) о потерях в партийных рядах сообщалось: «восстание выбило из рядов партии до 80% в уезде и до 50% — в городах из числа гражданских коммунистов. Есть такие районы, в которых погибли решительно все до последнего партийца» [27, л. 12]. В Тобольске за время пребывания «Народной армии» «было произведено до 200 расстрелов советских и партийных работников» [28, с. 2]. По данным казахстанского исследователя В.И. Трусова, всего в Петропавловске и его окрестностях в результате террора повстанцев погибло около 350 коммунистов и членов их семей [29, с. 158]. О потерях Тюменской парторганизации в личном письме секретарю ЦК РКП(б) Молотову говорилось: «Волна крестьянских восстаний, прокатившаяся бурно кровавым потоком по Тюменской губернии, вырвала из наших организаций свыше 50% подготовленных к самостоятельной работе членов партии» [30, л. 130].

Факты жестокости крестьян в отношении коммунистов в значительной степени были связаны с персонификацией власти в крестьянском сознании. Коммунисты для крестьян были конкретными людьми, теми, кто непосредственно проводил разверстку, изымал хлеб, реквизировал имущество, с их появлением в деревню пришли продовольственные отряды. Расправы над коммунистами, с точки зрения повстанцев, не являлись незаконными. Напротив, экзекуции представляли собой акты справедливого возмездия. На коммунистов смотрели как на угнетателей. В сознании повстанцев они ассоциировались как грабители, их называли «кровопийцы» и «негодяи». Мотивы подобных действий известны из слов очевидцев и участников событий. Так, на допросе по делу о контрреволюционном мятеже крестьянин Котовщиков, «из бедняков», добровольно вступивший в повстанческий отряд, рассказал на допросе, что сам призывал «бить всех коммунистов, ... они захватили больше двойной нормы, захотели пограбить народ, потому вступили в партию... смерть таким негодьям» [31, л. 7].

Негативное отношение к членам РКП (б) со стороны населения сложилось в течение 1920 г. главным образом в результате продовольственных мероприятий Советского государства. Коммунисты стали врагами в глазах крестьян после того, как посягнули на крестьянскую собственность — ту часть сельскохозяйственной продукции, которая предназначалась для личного потребления, простого хозяйственного воспроизводства и тем самым касалась жизненно важных интересов крестьян. С установлением советской власти в Сибири и переходом к продразверстке крестьяне перестали свободно распоряжаться результатами своего труда, хотя продолжали трудиться на земле.

Усилилось налоговое бремя, возросли повинности, упал уровень жизни. Сибирские крестьяне восприняли власть большевиков не иначе как закабаление.

Логика действий мятежников достаточно ясна: нет коммунистов — нет трудовой и гужевой повинностей, государственной разверстки на сельскохозяйственную продукцию и т.д. Движимые желанием покончить с большевиками навсегда, с возможным коммунистическим будущим, которое ассоциировалось с государственным контролем над деревней, коммуной, восставшие жестоко расправлялись с семьями членов РКП(б), включая детей. Безверие и антирелигиозная пропаганда, исходившие от членов партии, усугубили положение коммунистов. Тела казненных не предавали земле согласно православному христианскому обычаю [17, с. 90; 21, с. 99].

Мятежные крестьяне не менее жестоко, чем с коммунистами, расправлялись с продовольственными работниками. Председатель Тюменского губернского бюро о потерях, понесенных продотрядами в ходе восстания, докладывал: «От продовольственного отряда № 63 остался только 1 чел., от отряда № 134 осталось 2 чел., от отряда № 65 — 4 чел., от отряда № 32 — 5 чел., продотряды № 61 и №122 пропали без вести» [32, с. 149].

Террор повстанцев обрушился также на коммуны и колхозы. То, чего так боялись крестьяне как возможно-го будущего деревни, стало очередным объектом их гнева. Страх перед социалистическими формами хозяйствования прочно засел в сознании крестьян. «Ростки коммунизма» на селе подверглись погрому и уничтожению. Так, например, в Красногородской волости Ялуторовского уезда Тюменской губернии была уничтожена коммуна численностью до 200 человек, в Ишимском уезде мятежники казнили 60 членов коммуны «Заря» [33, с. 2].

Известны случаи расправ повстанческих отрядов с «не своими» крестьянами из числа переселенцев, значительная часть которых были бедняками и поддерживали советскую власть, коммунистическую партию, вступали в ее ряды. Большевики дали переселенческой бедноте реальную возможность безбедного существования посредством обеспечения сельской продукцией, а также предоставлением нужного инвентаря, рабочего скота за счет реквизиций у других сельских граждан. Переселенцы или, как иначе их иногда называли старожилы, «бесхозяйственная гольфа» [17, с. 86] составляли ту небольшую социальную опору советской власти в деревне, которая признала идеологию большевиков. Однако в соответствии с крестьянскими представлениями нетрудовое происхождение собственности рассматривалось как несправедливое и аморальное. Сибиряки отнеслись к таким действиям коммунистов враждебно. «Не свои» крестьяне пополнили «черный список» врагов повстанцев. В селе Красноярском Ишимского уезда, например, было перебито до 200 переселенцев — взрослых

и детей [16, с. 90]. Подобные действия мятежников замечены в Орловской и Омутинской волостях Ялуторовского уезда [28].

Восстание, начавшееся стихийно, быстро приобрело организованные формы. Основную роль в этом сыграли офицерство и казачество. Из бесформенной повстанческой массы они создали организованные формирования. Штабы повстанцев провели ряд мобилизаций гражданского населения [4, т. 2, с. 111, 119, 121, 141, 154]. Были созданы роты и батальоны. Повстанческая территория разделялась на четыре фронта во главе с главкомом — поручиком эсером В. Родиным. Подразделениями восставших руководили из единых центров — «штабов Народной крестьянской армии». Дисциплина была усилена расстрелами дезертиров и раскатом их домов в деревнях. По признанию главкома частей Красной армии в Сибири Рахманова, повстанческая разведка и агитация «поставлены великолепно» [16, с. 90]. Благодаря армейскому и казачьему офицерству борьба повстанцев приобрела военно-организованный характер.

Офицеры и казаки наряду с духовенством и представителями оппозиционных советской власти политических партий выступили как лидеры и идеологи антикоммунистического восстания. В воззваниях, обращенных к населению от руководства повстанцев, и других документах сформулированы цели и задачи борьбы с советской властью, дана оценка деятельности большевистского правления. Так, в постановлении, принятом 22 февраля 1921 г. в с. Юдине на политическом съезде казачества, где были представители от Петропавловского, Ишимского, Ялуторовского уездов, говорилось: «Вести борьбу с коммунизмом до окончательной победы или смерти. Объявить всему населению восставших местностей, что другого выхода нет. Мы должны или победить или ... помереть» [34, л. 31]. Такой настрой повстанцев способствовал ожесточенной борьбе с частями Красной армии.

Если для крестьян, рядовых повстанцев, главным было воплощение лозунга «Долой коммунистов!», то для лидеров повстанческого движения первоочередная важность состояла в борьбе против коммунизма как настоящего и будущего России. Борьба шла за ликвидацию существующего режима власти в Сибири. На повстанческой территории устанавливалась «советская власть без коммунистов», предпринимались попытки создания государственной власти на принципиально новой основе. В Тобольском районе провозглашалась «народная советская власть» [35, л. 4, 3], в Петропавловском уезде — «чисто советская власть» [29], в Сургутском — «власть крестьянская» [17, с. 86]. Определяющий принцип создания новых органов власти заключался в их беспартийности. В воззвании Тобольского штаба Народной армии говорилось по этому вопросу: «Мы хотим восстановить Рабоче-Крестьянскую Советскую власть... Коммунисты го-

ворят, что Советской власти не может быть без коммунизма. Почему? Разве мы не можем выбрать в Советы беспартийных, тех, которые всегда были с народом во едино?» [35, л. 4]. Советы рассматривались повстанцами как органы местной выборной власти.

Волисполкомы, сельские советы сохранились, но их состав качественно изменился в результате новых выборов. Правом выбора, согласно решениям новой власти, «пользовались все граждане». К сожалению, конкретными данными о социальном и политическом составе выборных органов власти мы не располагаем. Но несомненно одно — в них не было членов РКП(б).

В соответствии с мнением новой власти во всех сферах общественной жизни восстанавливались институты государства, права и экономики, которые действовали до Октябрьской революции 1917 г. В области государственного строительства был принят Судебный устав 1864 г. В экономике провозглашалось восстановление частной собственности на средства производства; принято другое законодательство о труде, провозглашена свобода торговли [30].

Создать единую центральную власть, действие которой бы распространилось на всю повстанческую территорию, мятежникам не удалось, так как слишком стремительно развивались события на фронтах, где шли ожесточенные и кровопролитные бои с частями Красной армии.

Переломить упорное сопротивление повстанцев удалось к концу февраля, когда в действие вступили сибирские и уральские резервные части Красной армии. По данным исследования В.И. Шишкина, в марте 1921 г. численность «красных» частей, боровшихся с восставшими, составляла до 23 тыс. чел. [10, с. 20].

Подавление мятежа сопровождалось большими людскими потерями. Так, по данным исследования А.Г. Западниковой, в Тюменской губернии погибло до 20 тысяч крестьян. Только в Ишимском уезде убитых и искалеченных насчитывалось до 6–7 тыс. чел. [35, с. 130]. Многие из участников восстания были заключены в тюрьмы. Тюменский губотдел принудительных работ сообщал 13 апреля 1921 г. в Центральное управление лагерей, что в связи «с бандитизмом» в Тюменской губернии «заключено под стажу масса кулацкого элемента».

Кровопролитность и ожесточенность сражений в значительной степени обуславливались настроением воюющих сторон «стоять насмерть». Советская пресса идеологически поддерживала такую решимость «красных» войск. Так, «Известия Тюменского губернского Революционного комитета и Тюменского губкома РКП(б)» обращались к крестьянам со следующими словами: «Зарубите себе на носу раз и навсегда, что Советская власть, руководимая партией коммунистов, разбив в течение трех лет всех царских генералов, без пощады сметет сейчас всякого негодяя, осмелившегося поднять руку на власть трудящихся» [36, с. 1].

Общая атмосфера нетерпимости сложилась в условиях социальной революции в России: непризнания одной стороны старых институтов и норм, а другой — революционных идей и преобразований. Такое положение было характерно для всей страны. Революционное издание «Советская Сибирь» в мае 1921 г. отмечает жестокие черты современности: «На почве споров демобилизованных со своими отцами и родными были случаи, когда сын убивал в разгаре своего отца, сын арестовывал отца и сажал в тюрьму. Все это во имя защиты Советской власти, идей коммунизма. Революция углубляется, рвет всякие связи со старым. Революция очищается от наносного элемента» [37, с. 2].

Наступление отрядов Красной армии сопровождалось жестокими расправами, ответным террором на освобожденной от повстанцев территории. Из оперсводки контрреволюционного штаба по Петропавловскому уезду стало известно, что «Петропавловск и станция заняты казаками... около нее найдена масса трупов, расстрелянных коммунистами» [38, л. 227].

Подавление восстания самым серьезным образом повлияло на настроения крестьян. Подъем и энтузиазм борьбы, решимость сражаться «за правое дело» сменились апатией и глубоким раскаянием. Из политсводок Омского ЧК следовало, что «обманутое крестьянство отрезвилось», «крестьяне приносили полное раскаяние» [40, л. 1; 49, л. 66].

В ходе восстания выявились особенности крестьянского политического сознания, а именно персонификация власти. Ответственность за все мероприятия в деревне, связанные главным образом с разверсткой, население возложило на местную власть. Поэтому погромам подверглись сельские и волостные Советы, позволившие проводить государственную разверстку и допускавшие противозаконные действия (грабежи, нанесение телесных повреждений, оскорбление и др.) и жесткие методы взимания сельскохозяйственной продукции. Коммунисты, советские и продовольственные работники в глазах крестьян несли личную ответственность за изъятие продовольствия и беззакония. Изгнав коммунистов, переизбрав власть на сельском и волостном уровнях, крестьяне надеялись установить «справедливую» власть, которая не допустит тотального вмешательства государства в их хозяйственную деятельность и образ жизни, а также будет учитывать мнение сельских обществ при принятии какого-либо решения.

К центральной власти и советской власти вообще крестьяне относились как к несправедливой и не более. Претензий на власть в государственном масштабе крестьянство не выказывало. Такая позиция сельских граждан вполне объяснима. Крестьянство не было втянуто в политические процессы. В массе своей неграмотное, живущее интересами своего сельского мира, выживанием крестьянского хозяйства и достаточно экономически автономное от государства, оно не воспринимало ни государственных (общенациональных) интересов, ни сложности механизма государственного управления. В условиях тяжелого экономического кризиса в стране, острой нехватки продовольствия в крупных городах, голодающих губерниях, недостатка продовольствия в армии, ведущей сражения, крестьяне не сдавали хлеб и другую сельскохозяйственную продукцию, предпочитая продавать ее по высоким ценам на рынке и сбывать на самогон. Крестьяне не стремились к революционным переменам и не признали их, оставались верными старине и традиции.

В принципе крестьянам было все равно, какая форма политического правления существует или будет существовать в России. Западносибирское восстание еще раз показало несформированность общенационального сознания, слабую политическую культуру крестьянства. Лозунги «За Учредительное собрание!», «За царя Михаила!» были выдвинуты эсерами, членами Сибирского Крестьянского Союза, офицерами, т.е. людьми образованными, чей общий культурный уровень был значительно выше крестьянского. Верным оказалось мнение марксистов о неспособности крестьянства как класса на революционную политическую роль.

Суть социального протеста в Западной Сибири сводилась к отмене огосударствления сельскохозяйственного сектора экономики, освобождения от чрезмерного и разорительного для крестьянского хозяйства налогового обложения, неприятию новых форм организации сельского хозяйства (коммун) и возвращению дореволюционных отношений между государством и крестьянством (налоги, свободная торговля). Крестьянство было недовольно разрушительными переменами, пришедшими в их жизнь в 1920–1921 гг. Тем самым общественно-политические настроения крестьян в восстании 1921 г. были в значительной степени реакцией крестьянства на социальную революцию 1917 г. и последовавшие революционные изменения в деревне.

Библиографический список

1. Россия 1913 год : статистико-документальный справочник. — СПб., 1995 [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/214>.
2. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД, 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. — М., 1998.
3. За советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии 1921 г. : сборник документов / сост. В. И. Шишкин. — Новосибирск, 2000.
4. Сибирская Вандея, 1920–1921 : документы : в 2 т. / сост. В. И. Шишкин ; под ред. А.Н. Яковлева. — М., 2001.

5. Павлюченков С.А. Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского нэпа. — М., 1996.
6. История повседневности Западной Сибири: конец XIX — начало XX вв. : монография / отв. ред. И.В. Курышев. — Ишим, 2014.
7. Алешкин П., Васильев Ю. Крестьянские восстания в Советской России (1918–1922 гг.) : в 2 т. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.kz/books?id=OSelDQAAQBAJ&pg=PT614&lpg=PT614&dq=Яблочкина+И.В.+Рецидивы+гражданской+войны&source=bl&ots=G>.
8. Московкин В.В. Восстание крестьян в Западной Сибири в 1921 году // Вопросы истории. — 1998. — № 6.
9. Третьяков Н.Г. О политических настроениях крестьянства на территории, охваченной Западносибирским восстанием 1921 г. // История Советской России: новые идеи, суждения : тезисы докладов Второй республиканской научной конференции. — Тюмень, 1993. — Ч. 1.
10. Шишкин В.И. Западно-Сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г. / под ред. В.И. Шишкина. — Новосибирск, 2001.
11. Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и Гражданской войне (1905–1921 гг.) : сборник статей / под ред. И.В. Курышева. — Ишим, 2006.
12. История и краеведение Западной Сибири: проблемы и перспективы изучения : материалы IV региональной научно-практич. конф. с международным участием / под ред. И.В. Курышева. — Ишим, 2013.
13. История и краеведение Западной Сибири: проблемы и перспективы изучения : материалы VI региональной научно-практич. конф. с международным участием. — Ишим, 2016.
14. Советская Сибирь. — 1921. — 16 марта. — № 57 (426).
15. Казаков А. Общие причины возникновения бандитизма и крестьянских восстаний // Красная Армия. — 1921. — № 9.
16. Померанцев П. Красная Армия Сибири на внутреннем фронте (борьба с восстаниями в тылу за 1920–1922) // Красная Армия Сибири. — 1923. — № 3–4.
17. Хейфец К. Белый бандитизм // Былое Сибири. — 1923. — № 2.
18. Павлуновский И.П. Сибирский Крестьянский Союз // Сибирские огни. — 1922. — № 2.
19. Кубанин М. Антисоветское движение в годы гражданской войны (военного коммунизма) // На аграрном фронте. — 1926. — № 1.
20. Кубанин М. Махновщина: крестьянское движение в Степной Украине в годы Гражданской войны. — Л., 1926.
21. Сидоров П. Курганское восстание в январе 1921 г. (по личным воспоминаниям) // Пролетарская революция. — 1926. — № 6 (53).
22. Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДННОО). Ф. 1818. Оп. 2. Ед. хр. 17.
23. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 78. Оп. 1. Ед. хр. 48.
24. ЦДННОО. Ф. 1818. Оп. 1. Ед. хр. 14.
25. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 240.
26. ЦДННОО. Ф. 1818. Оп. 2. Ед. хр. 14.
27. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Ед. хр. 219.
28. Известия Тюменского губернского революционного комитета и губкома РКП(б). — 1921. — № 405.
29. Трусов В.И. НЭП. Краткая эпоха подъема // Северо-Казахстанская область: страницы летописи родного края / под ред. В.К. Григорьева. Алма-Ата, 1993.
30. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Ед. хр. 382.
31. ЦДННОО. Ф. 1818. Оп. 2. Ед. хр. 13.
32. Известия Тюменского губернского революционного комитета и губкома РКП(б). — 1921. — № 362.
33. Известия Тюменского губернского революционного комитета и губкома РКП(б). — 1921. — № 351.
34. ЦДННОО. Ф. 88. Оп. 1. Ед. хр. 10.
35. Заповодникова А.Г. Борьба с кулацкой контрреволюцией в Западной Сибири в период перехода от гражданской войны к мирному социалистическому строительству (1920–1922 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1969.
36. Известия Тюменского губернского революционного комитета и губкома РКП(б). — 1921. — № 332.
37. Советская Сибирь. — 1921. — 21 мая. — № 108 (467).
38. ЦДННОО. — Ф. 1818. — Оп. 1. — Ед. хр. 11.
39. ЦДННОО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Ед. хр. 12.
40. ЦДННОО. — Ф. 1. — Оп. 2. — Ед. хр. 140.